

УДК 82.091

**БАХТИНСКИЕ ПРИНЦИПЫ В АНАЛИЗЕ
МИР-ТЕКСТА ПОСТМОДЕРНИСТСКОЙ ПУШКИНИАНЫ***Д.В. Туманов, Л.Г. Егорова***Аннотация**

В статье анализируется диалогическая философия М.М. Бахтина, вычленяются важнейшие принципы его концепции, проводятся аналогии с характеристиками культуры постмодерна. При соотнесении основных характеристик культуры постмодерна и категорий концепции М.М. Бахтина с ведущими формами постмодернистской пушкинианы выявляется универсальность подхода литературоведа и крупнейшего мыслителя XX века к исследованиям смыслов соприкасающихся культур, языка-мировоззрения и диалогизированного разноречия.

Ключевые слова: пушкиниана, постмодерн, мир-текст, диалогическая философия, А.С. Пушкин, М.М. Бахтин.

Вместо эпиграфа и в пояснение тем, кто приступит к чтению этого текста: «Приходится называть наш анализ философским прежде всего по соображениям негативного характера: это не лингвистический, не филологический, не литературоведческий или какой-либо иной специальный анализ (исследование). Положительные же соображения таковы: наше исследование движется в пограничных сферах, то есть на границах всех указанных дисциплин, на их стыках и пересечениях» [1, с. 306].

Как отмечает М.М. Бахтин, «предмет гуманитарных наук – выразительное и говорящее бытие. Это бытие никогда не совпадает с самим собою и потому неисчерпаемо в своём смысле и значении» [2, с. 8]. Встраивая мифологему «Пушкин» в современность, которой, по мысли М.К. Мамардашвили, «является всё то, перед лицом чего мы должны с собой что-то сделать, чтобы воспринять происходящее, нарисованное, написанное или звучащее <...> что существует, не интересуясь, пятёрку, четвёрку или двойку мы ставим этому явлению» [3, с. 30], мы неизбежно вступаем в актуальный диалог, где коммуникативное – метатекстовое – единство образует новое ассоциативное поле смыслов – «выразительное и говорящее бытие».

Причём современный мир-текст¹ «включает в себя не только словесный текст, иконический текст, аудио-текст, видео-текст (конвергенция технологий), но и ту многомерность смыслов, которую возможно деконнотировать, трансформировать в процессе потребления в неисчислимое количество инфо-текстов (конвергенция смыслов). А сама конвергенция массмедиа как схождение в одной

¹ Всякий связный знаковый комплекс.

точке подразумевает предельное уплотнение мира-текста с максимальной знаково-символьной информацией на единицу создаваемых образов» [4, с. 60–61], и, как мы уже отмечали в своих исследованиях ранее, встречные информационные потоки «позволяют “читателю” реализовать себя как элемент бытия, а не просто потребителя информации. <...> “Смерть читателя” явственно прослеживается в повсеместном распространении такого явления, как zapping, позволяющего экранировать идеологические атаки на сознание и высвободить новые смыслы. Суть zapping – выбор того, когда и в какой очерёдности нажимать переключающие информационные потоки “кнопки”, чтобы создать своё собственное сугубо постмодернистское пространство» [4, с. 55] или, говоря словами М.М. Бахтина, – «мысль о чужих мыслях» [1, с. 306].

Но, прежде чем продолжить наши размышления о возможности применения принципов М.М. Бахтина в условиях постмодерна, давайте пристальнее взглянем на понятие «мир-текст».

Утверждая, что всё воспринимается посредством текста и нет иной коммуникации, Ж. Деррида довёл эту формулу до абсолюта: ничто не существует вне текста, который сам есть некое концептуальное пространство, в котором культура оформляет свою дискурсивность, и любой текст изначально возможен только как интертекст. Внетекстовой реальности, по мнению французского философа, для человека не существует, поскольку любое явление, любой предмет или – скажем лучше – всякая сущность воспринимается сознанием как помысленный текст [5–7].

Однако в таком понимании возможно разделение реальности на собственно мир-сущность и осознаваемый человеком мир-текст. Мир-сущность есть то, что существует помимо и вне нашего сознания как некая объективная реальность, а мир-текст – тот субъективный мир, с которым мы ежесекундно соприкасаемся через своё восприятие реальности. Мир-сущность всегда лежит за пределами нашего сознания. А сознание всегда оперирует неким связным знаковым комплексом, где каждый миг возникает некий метатекст актуального диалога. Мир-текст – это повседневность нашего бытия, сотканная из субъективно-творческого осмысления воспринимаемого нами знания, то, что нами уже поименовано. Мир-сущность – пределы, возможно даже ещё и не поименованные нами, лежащие вне нашего осознанного восприятия и достигаемые только верой: *credo quia absurdum*².

Уточним, что метатекст актуального диалога как ответ «другому» всегда носит социальный характер. А потому образ текста у М.М. Бахтина – многомерность культурного пространства, жаждущего понимания; текст «хочет быть услышанным, всегда ищет ответного понимания и не останавливается на ближайшем понимании, а пробивается всё дальше и дальше (неограниченно)» [8, с. 306]. Адресуясь «другому», мир-текст организует диалог в различных плоскостях: между «сейчас» и «тогда»; между «моё» и «другое»; между «автором» и «героем»; между «здесь» и «там», между «знаю» и «верю»... На стыке этих направлений и рождается оценочность как версия адекватности безграничного понимания – «преодоление чуждости чужого без превращения его в чисто своё» [9, с. 371].

² «Верую, ибо абсурдно» – изречение, восходящее к сочинению Тертуллиана «О плоти Христа» («De Carne Christi»).

Находясь в равноправном диалоге, знаковые комплексы в интертекстуальном пространстве рожают самостоятельное произведение, которое может быть прочитано по-разному, в зависимости от «прошлого опыта»³ воспринимающего этот текст «читателя»: наслоения культурных пластов, составляющих основу восприятия знаков и символов, приоткрывают ему многомерность диалогового пространства.

Однако здесь возникает возможность подчинения «читателем» текста, его «голоса», вследствие чего он перестаёт существовать как самостоятельный и равноправный участник диалога. Или, наоборот, «текст оказывается “сильнее” и подлиннее того, что представляется реальным сознанию современного человека. Мету реальности и подлинности задаёт сам текст и стоящая за ним парадигма сакральных ценностей» [10, с. 15]. Борьба за утверждение смыслов и есть процесс сотворения себя перед лицом современности. При этом надо иметь в виду «нескончаемое обновление смыслов во всех новых контекстах» [9, с. 372]. Здесь имеет место быть та самая инверсия двоичных противопоставлений, которая характеризует карнавализацию: любой знак может быть прочитан с различных, порой абсолютно противоположных позиций. Но, чтобы увидеть в полифонии смыслов нечто целостное, важно соучастное мышление, позволяющее приобщиться к встрече культур в границах текста, где реализуют себя и старый, и новый смыслы. «Текст живёт, только соприкасаясь с другим текстом (контекстом). Только в точке этого контакта текстов вспыхивает свет, освещающий и назад и вперёд, приобщающий данный текст к диалогу» [9, с. 364].

Но это не просто встреча текстов – это почти всегда соприкосновение миров, породивших эти тексты в процессе диалога автора и окружающей его действительности, точка пересечения культурных смыслов, которая и рождает тот мир-текст, исследованием которого мы занимаемся. «Один смысл раскрывает свои глубины, встретившись и соприкоснувшись с другим, чужим смыслом: между ними начинается как бы диалог, который преодолевает замкнутость и односторонность этих смыслов, этих культур. <...> При такой диалогической встрече двух культур они не сливаются и не смешиваются... но они взаимно обогащаются», – подчёркивал М.М. Бахтин. И уточнял: «Мы ставим чужой культуре новые вопросы, каких она сама себе не ставила, мы ищем в ней ответа на эти наши вопросы, и чужая культура отвечает нам, открывая перед нами новые свои стороны, новые смысловые глубины» [11, с. 354].

Модель «прошлое/будущее» в диалоге культур, когда происходит слияние пространственно-временных характеристик, позволяет насытить мир-текст новыми, ещё не до конца освоенными смыслами и сформировать систему чувств, взглядов, идей и теорий в едином социокультурном измерении. В своих исследованиях мы неоднократно указывали на то, что потеря культурно-исторической памяти разрушает общественное сознание⁴, тогда как в соприкосновении

³ О структуре «прошлого опыта» см.: *Тертычный А.А.* Аналитическая журналистика: познавательно-психологический подход. – М., 1998. – С. 47–49.

⁴ См.: *Егорова Л.Г., Туманов Д.В.* Конструирование идентичности средствами массовой информации в полиэтническом и многоконфессиональном сообществе: опыт Татарстана // *Религия и гражданское общество: кризис идентичности и новые вызовы постсекулярного общества.* – Симферополь, 2008. – С. 45–49; *Егорова Л.Г., Туманов Д.В.* Репрезентация этноконфессиональных отношений в региональной прессе Республики Татарстан // *Социологический диагноз культуры российского общества второй половины XIX – начала XXI вв.* –

культурных смыслов, на наш взгляд, скрыты первопричины «ускорения ритма истории» (в терминологии Б.Ф. Поршнева [12]), в ходе которого прошлое, настоящее и будущее человечества органически соединяются в непрерывном диалоге обыденного сознания, общественной психологии и общественной идеологии.

Диалог различных культур в исторической перспективе составляет значимую часть в концепции М.М. Бахтина. Позже, опираясь на эту категорию, Ю.М. Лотман описал существенные признаки такого диалога, при котором «“ответ” может быть адресован совсем другой культуре, чем та, которая была его активным возбудителем»; к числу этих признаков относятся следующие: «во-первых, то, что в ходе межкультурного общения потоки текстов меняют своё направление; во-вторых, в момент перелома в направлении потока тексты переводятся с “чужого” языка (в широком семиотическом значении понятия “язык”) на “свой”. Одновременно они подвергаются разнообразной трансформации по законам воспринимающей культуры. В-третьих, процесс этот имеет лавинообразный характер: ответный поток текстов всегда значительно превосходит мощностью и культурным значением провоцирующее его воздействие» [13, с. 121]. Мир-текст как всякий связный знаковый комплекс наполнен многоголосьем культур, где каждый «голос» звучит равноправно, самостоятельно, представляя собой в некотором смысле симультанность средневекового театра. И в этом созвучии, в этой симфонии культур рождается интертекстуальность знакового комплекса, его многосмысловая наполненность. По образному выражению М.М. Бахтина, «когда мы глядим друг на друга – два разных мира отражаются в зрачках наших глаз» [14, с. 104].

Но «диалог, понимаемый в идее культуры, – это не диалог различных мнений или представлений, это – всегда диалог различных культур» [15, с. 299]. В этом взаимном разглядывании миров, в нахождении «иного» в «своём» и скрыт особый смысл диалога по поводу существования разных людей, который М.М. Бахтин соотносил с понятием «культура», уточняя: «Диалогические отношения... это почти универсальное явление, пронизывающее всю человеческую речь и все отношения и проявления человеческой жизни, вообще всё, что имеет смысл и значение. <...> Где начинается сознание, там... начинается и диалог» [16, с. 51]. Характеризуя социум, М.М. Бахтин указывает, что в нём «в каждый данный момент сожительство языки разных эпох и периодов социально-идеологической жизни» [17, с. 44]. Созидание нового мира («вообще всё, что имеет смысл и значение») и составляет смысл акта со-творения (совместного действия) как интертекстуального диалога языков обыденного сознания, общественной психологии и общественной идеологии. Здесь, как нам кажется, уместно напомнить замечание Ю.М. Лотмана, развивавшего идеи М.М. Бахтина: «Мы можем сталкиваться со сплошным закодированием двойным кодом, причём в разной читательской перспективе просматривается то одна, то другая организация, или с сочетанием общей закодированности некоторым доминирующим кодом и локальных кодировок второй, третьей и прочих

СПб., 2008. – С. 214–217; *Туманов Д.В., Егорова Л.Г.* Репрезентация проблем культуры в республиканских печатных СМИ // Социальные и гуманитарные науки: образование и общество: в 2 т. – Н. Новгород, 2011. – Т. 2. – С. 167–170; *Туманов Д.В., Егорова Л.Г.* Межконфессиональный дискурс в прессе Республики Татарстан // Межкультурные коммуникации в современном мире. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2014. – С. 66–69 и др.

степеней» [18, с. 151]. Таким образом, в диалоге возникает многоголосие «текстов», обозначенное М.М. Бахтиным в своей системе как полифония.

Диалектический взаимообмен между «я», «другими» и социальной общностью – способ существования человека в культуре, его творчество – место пересечения текстовых плоскостей, где собственно и происходит включение истории и культуры в текст и текста – в историю и культуру. «Искусство и жизнь не одно, но должны стать во мне единым, в единстве моей ответственности» [19, с. 6], – подчёркивал М.М. Бахтин в одном из ранних своих произведений. Этот принцип он провёл через всё своё понимание роли автора как точки пересечения «бесконечного и незавершимого диалога».

Не случайно же по М.М. Бахтину, как справедливо указывает Ю. Кристева, «всякое слово (текст) есть такое пересечение двух слов (текстов), где можно прочесть по меньшей мере ещё одно слово (текст). <...> Любой текст строится как мозаика цитаций, любой текст – это впитывание и трансформация какого-нибудь другого текста» [20, с. 429]. Это вступает в прямую переключку-диалог с заявлением Р. Барта о том, что «всякий текст есть между-текст по отношению к какому-то другому тексту... текст же образуется из анонимных, неуловимых и вместе с тем уже читанных цитат – из цитат без кавычек» [21, с. 418]. Разрабатывая философскую концепцию гуманитарных наук, М.М. Бахтин чутко уловил тенденции поворота общества модерна к обществу постмодерна, провозгласившего устами Ж. Дерриды: «Ничего не существует вне текста. <...> Текст – единственно возможная модель реальности» [22, с. 158]. Теория интертекстуальности М.М. Бахтина, где различные миры представлены в равноправном значении, охватывая всё сущее, нашла своё место в постмодернистской концепции «мир – это текст», где мир постигается человеком лишь в виде той или иной истории, рассказа о нём.

О наступлении общества постмодерна заговорили в 1970-х годах⁵. Между тем его проявления можно отыскать, в том числе и в российской культуре, значительно раньше. (Впрочем, как говорил У. Эко, «у любой эпохи есть собственный постмодернизм» [23, с. 75].) Если взять за основу определение В. Вельша: «Постмодернизм налицо там, где практикуется принципиальный плюрализм языков, моделей, методов действия, притом не просто в разных произведениях, создаваемых одновременно, но в одном и том же сочинении, то есть во взаимоналожении» [24, S. 17], то в таком случае черты постмодернистской культуры как определённого типа чувствования могут быть обнаружены в произведениях М.А. Булгакова, Д.И. Хармса, М.М. Зощенко, Ю.К. Олеши. «Что же, и Демьян Бедный, и Николай Островский, и Александр Фадеев, и Алексей Толстой – тоже “постмодернисты”? И Маяковский? И Горький? – размышляет И.В. Кондаков о проявлении черт новой культуры. – И они тоже. Потому что “соцреализм” сталинской эпохи – это и есть подлинный советский постмодернизм, вся самоочевидность которого стала несомненной после того, как его лик отразился

⁵ С 1939 года в работах А. Тойнби современная эпоха, начиная с Первой мировой войны, обозначается как постмодерн. С конца 1960-х годов этот термин используется для фиксации новаторских тенденций в архитектуре, искусстве и литературе. С 1979 года постмодерн утверждается в статусе философской категории для обозначения духовной и ментальной специфики современной эпохи в целом (См.: Новейший философский словарь. Постмодернизм. – Минск, 2007. – С. 425–426).

в зеркале “соц-арта”, лишь немного утрировавшего соцреалистические черты – совмещение сущего и должного, союз правды с мечтой, политики с искусством, застоя и революционного развития, восторга и ужаса и т. п.» [25, с. 363].

Всё так и не так одновременно.

Ещё в 1980-х годах американский культуролог Ихаб Хабиб Хассан создал каноническую классификацию признаков постмодерна в литературе: поливариантность (симультанность); фрагментарность (мозаичность); деканонизация (утрата ценностных ориентиров); гиперреалистичность (симуляция); ирония (пастиш); мутация жанров (синкретизм); карнавализация (перфоманс); безличность (децентрированность субъекта); деконструкция. При этом он неоднократно подчёркивал неоднозначность употребляемых терминов, незавершённость формирования их определений [26; 27]. С тех пор эта классификация уточнялась, дополнялись трактовки понимания терминологии, очерчивались новые границы постмодернистского пространства, но концептуально она не менялась.

В подробных разъяснениях принципы предложенной И.Х. Хассаном классификации всё ближе и ближе смыкались с понятием полистилистического типа культуры, предполагающего разнообразие культурных форм, полифонического диалога⁶.

Идеологически наполненный язык может быть представлен как язык-мировоззрение, отражающий многомерность способов самовыражения человека, социальной группы, социального слоя или даже целого народа (ср. образное высказывание М.М. Бахтина: «Между словом и предметом, словом и говорящей личностью залегает упругая, часто трудно проницаемая среда других, чужих слов о том же предмете. <...> Окружающая предмет социальная атмосфера слова заставляет играть грани его образа» [17, с. 31, 32]).

Выделяя категории полистилистической культуры, Л.Г. Ионин в качестве основных называет деиерархизацию как отсутствие сакрального доктринального ядра; деканонизацию как отсутствие или ослабление жанровых и стилевых норм; неупорядоченность как нарушение пространственно-временного порядка реализации культурных явлений; детотализацию как отсутствие единства в многообразии культурных феноменов; включение как максимум «культурной терпимости»; диверсификацию как возникновение всё более сложных систем взаимодействия традиций, культурных стилей и образов жизни; тяготение к эзотерике вместо официального консенсуса; негативность как непризнание существующего социально-культурного порядка; ателеологию как отказ признавать какую-либо цель развития культуры, общества, цель жизни, человеческого существования вообще [28, с. 245–248]. Как видим, они действительно соотносятся и с описанием культуры постмодерна, и с основными категориями концепции М.М. Бахтина (хотя сам учёный признавался, что в его работах «много внешней незавершённости, незавершённости не самой мысли, а её выражения и изложения», называя причиной тому свою «любовь к вариациям и к многообразию терминов к одному явлению» [29, с. 431]).

⁶ О проявлениях полистилистического и моностилистического типов культур подробно изложено в монографии: *Туманов Д.В.* Пушкиниана двух Россий. – Казань, 2010. – 215 с.

Попробуем в таком случае соотнести основные характеристики культуры постмодерна и категории концепции М.М. Бахтина с ведущими формами постмодернистской пушкинианы (см. табл. 1).

Понятно, что реальность гораздо сложнее любой схемы, но тем не менее из получившейся таблицы становится очевидна та взаимосвязь, которая существует между подходами к исследованию, в частности, языковой культуры. Концепция, предложенная М.М. Бахтиным в первой половине XX в., хорошо ложится на понимание постмодернизма, представленное философами второй половины XX в. А если учесть, что М.М. Бахтин выводил свои принципы из исследований Средневековья, то открывается универсальность его методов.

Полистилистический тип культуры, перманентно сменяющий моностилистический тип, вызывает к жизни явления, полностью описанные М.М. Бахтиным и частично – постмодернистами. Оставим за рамками нашего всё же филологического исследования цепочку аргументированных доказательств и огласим лишь итоговое звено: в центральной части всех веков общество развивает моностилистический тип культуры, а на рубеже веков переходит к полистилистическому, что вызывает в памяти уже цитированные нами выше слова У. Эко о повторяемости постмодерна. Это становится очевидным лишь при междисциплинарном подходе к исследованию культуры (см. первый абзац настоящей статьи), поскольку, по точному замечанию М.М. Бахтина, «научная мысль не может жить и развиваться в одиночестве» [29, с. 401], «если нельзя изучать литературу в отрыве от всей культуры эпохи, то ещё более пагубно замыкать литературное явление в одной эпохе его создания» [11, с. 350].

«Выразительное и говорящее бытие» (по М.М. Бахтину), являющееся предметом гуманитарных наук, всегда есть ответ на ещё не озвученный вопрос-замечание, поиск смысла, а то, «что ни на какой вопрос не отвечает, лишено для нас смысла» [29, с. 409]. Таким образом, нам в первую очередь следует отыскать, услышать, озвучить тот вопрос, ответом на который является изучаемое нами явление культуры. На поиски этого вопроса порою уходят годы, десятилетия, сменяются поколения живущих на Земле, поскольку вопрос этот может быть найден лишь в далёком будущем. И тогда мы говорим, что данное явление культуры намного опередило своё время.

Так происходит с наследием – «ответами», которые нам оставил А.С. Пушкин. Каждое новое поколение находит в нём нечто, приоткрывающее волнующую тайну не заданных ещё вопросов. И тогда рождаются многочисленные образы-маски личности поэта, созвучные мыслям и настроениям новой эпохи.

Полифония, звучащие в творчестве и самой жизни (как воплощённом культурном явлении) А.С. Пушкина голоса эпох, культур, наций и народностей вступают в диалог с каждым новым поколением в целом и каждой отдельной личностью в частности. Эта многозначность (мы бы даже сказали, многозвучность или – ещё лучше – диалогизированное разноречие) особенно ярко, отчётливо проявляется в периоды доминирования полистилистической культуры (собственного постмодернизма эпохи), и тогда прилагаемая к ней концепция М.М. Бахтина позволяет улавливать особые смыслы (ответы на вопросы).

Табл. 1

Соотнесённость характеристик, категорий и форм при анализе мир-текста

Основные характеристики культуры постмодерна	Основные категории концепции М.М. Бахтина	Основные формы постмодернистской пушкинианы
1. Утрата ценностных ориентиров. Преодоление препятствий, мешающих творческой реализации, отказ от устоявшихся канонов.	1. Монологизм. Отрицание наличия вне себя другого равноправного сознания, другого равноправного «я».	Конструирование образа А.С. Пушкина на основе собственного личного жизненного опыта.
2. Симультанность. Одновременность одновременного, взгляд на одну и ту же вещь одновременно с разных точек зрения.	2. Полифония. Многоголосие текстов, единовременное сосуществование всех голосов «персонажей» как самостоятельных равноправных партий.	Конструирование образа А.С. Пушкина как сведение к «единому знаменателю» всех существующих в пушкиниане взглядов.
3. Мозаичность, принцип лоскутного одеяла. Фрагментарность как приём, мирное сосуществование противоположностей.	3. Диалог. Определение чужого слова в своём слове; то, что пробилось через неосознанность, стихийность и хаотичность взаимодействия.	Конструирование образа А.С. Пушкина как столкновение всех существующих в пушкиниане взглядов.
4. Перформанс. Все события принимают форму яркого и эффектного спектакля или шоу.	4. Карнавал. «Сама жизнь играет, разыгрывая... другую свободную (вольную) форму своего осуществления, своё возрождение и обновление на лучших началах» [30, с. 16].	Конструирование образа А.С. Пушкина как набора парадоксальных поступков и мыслей.
5. Деконструктивизм. Понимание посредством разрушения стереотипа или включения чего-либо в новый контекст.	5. Смеховая культура. Коллективное сознание народной общины, сопротивление официозу, разрушающее высокое начало своей язвительностью.	Конструирование образа А.С. Пушкина как героя анекдотических ситуаций.
7. Метахронотоп. Преодоление времени во времени через разрушение границ вымышленного и реального.	6. Хронотоп. «Существенная взаимосвязь временных и пространственных отношений», «слияние пространственных и временных примет в осмысленном и конкретном целом» [31, с. 340].	Конструирование образа А.С. Пушкина как универсального вневременного связующего звена дефиниций культуры.
7. Пастиш. Ироническая имитация прошлых стилей и индивидуальности, замена реальности образами о ней.	7. Мениппея. «Всяческие нарушения общепринятого и обычного хода событий, установленных норм поведения и этикета» [15, с. 132].	Конструирование образа А.С. Пушкина как виртуального героя.
8. Смешение жанров и стилевой синкретизм. Соединение, нерасчленённость различных видов культурного творчества.	8. Телесный верх и телесный низ. Перманентная переменчивость смыслов, замкнутая цикличность бытия.	Конструирование образа А.С. Пушкина как идеолообразующей стороны человеческой жизни и деятельности.

Публицистическая пушкиниана обретает в этом ракурсе новое звучание, так как «журналист – прежде всего современник. Он обязан им быть. Он живёт в сфере вопросов, которые могут быть разрешены в современности» [29, с. 436]. И обращение к социальному образотворчеству⁷ в пушкиниане с этими вопросами даёт журналисту-публицисту возможность услышать неожиданные ответы, спроецированные в будущее. Если современность (по М.К. Мамардашвили) – «всё то, перед лицом чего мы должны с собой что-то сделать», то действие это происходит при активном воздействии на нас социального образотворчества. Публицистичным становится всё, что пытается услышать ответ на формирующийся в общественном сознании вопрос.

И в этом смысле обращение к классическим текстам пушкинианы или произведениям самого поэта-мыслителя обретает новый смысл как интерпретативная форма постижения современности.

Summary

D.V. Tumanov, L.G. Egorova. Bakhtin's Principles in the Study of the Postmodern Pushkiniana Textual World.

In this paper, we examine the dialogical philosophy of M.M. Bakhtin, single out the most important principles of his conception and draw analogies with the characteristics of postmodern culture. While comparing the basic features of postmodern culture and the main categories of Bakhtin's conception with the leading forms of the postmodern Pushkiniana, we reveal the universal nature of the scholar's approach to the research on the meanings of contiguous cultures, on language as a world-view, and on dialogized heteroglossia.

Keywords: Pushkiniana, postmodernism, textual world, dialogical philosophy, A.S. Pushkin, M.M. Bakhtin.

Литература

1. *Бахтин М.М.* Проблема текста // Бахтин М.М. Собр. соч.: в 7 т. – М.: Рус. слов., 1997. – Т. 5. – С. 306–326.
2. *Бахтин М.М.* К философским основам гуманитарных наук // Бахтин М.М. Собр. соч.: в 7 т. – М.: Рус. слов., 1997. – Т. 5. – С. 7–10.
3. *Мамардашвили М.К.* Очерк современной европейской философии. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2014. – 608 с.
4. *Туманов Д.В.* Мир-текст как основа конвергенции массмедиа // Медиаконвергенция и «ситуация человека»: новые вызовы, старые вопросы. – Казань: Казан. ун-т, 2012. – С. 47–61.
5. Интервью с Жаком Деррида // Мировое древо (*Arbor Mundi*). – 1992. – № 1. – С. 73–80.
6. Философия и литература: Беседа с Жаком Деррида // Жак Деррида в Москве: деконструкция путешествия. – М.: Ad Marginem, 1993. – С. 151–186.
7. *Деррида Ж.* О грамматологии. – М.: Ad Marginem, 2000. – 511 с.

⁷ Создание целостного восприятия личности А.С. Пушкина в массовом сознании через «внутреннюю» интерпретацию его биографии и творчества любым социальным субъектом (индивидом, социальной группой, обществом в целом).

8. *Бахтин М.М.* Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках // Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1979. – С. 281–307.
9. *Бахтин М.М.* К методологии гуманитарных наук // Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1979. – С. 361–373.
10. *Топоров В.Н.* Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического. – М.: Прогресс: Культура, 1995. – 623 с.
11. *Бахтин М.М.* Ответ на вопрос редакции «Нового мира» // Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1986. – С. 347–354.
12. *Поршнев Б.Ф.* О начале человеческой истории: Проблемы палеопсихологии. – СПб.: Алетейя, 2007. – 713 с.
13. *Лотман Ю.М.* Проблема византийского влияния на русскую культуру в типологическом освещении // Лотман Ю.М. Избранные статьи: в 3 т. – Таллинн: Александра, 1992. – Т. 1. – С. 121–128.
14. *Бахтин М.М.* Автор и герой в эстетической деятельности // Бахтин М.М. Собр. соч.: в 7 т. – М.: Рус. слов., 2003. – Т. 1. – С. 69–264.
15. *Библер В.С.* От наукоучения – к логике культуры: Два философских введения в двадцать первый век. – М.: Политиздат, 1990. – 413 с.
16. *Бахтин М.М.* Проблемы поэтики Достоевского // Бахтин М.М. Собр. соч.: в 7 т. – М.: Рус. слов., 2002. – Т. 6. – С. 5–300.
17. *Бахтин М.М.* Слово в романе // Бахтин М.М. Собр. соч.: в 7 т. – М.: Яз. славян. культур, 2012. – Т. 3. – С. 10–180.
18. *Лотман Ю.М.* Текст в тексте // Лотман Ю.М. Избранные статьи: в 3 т. – Таллинн: Александра, 1992. – Т. 1. – С. 148–160.
19. *Бахтин М.М.* Искусство и ответственность // Бахтин М.М. Собр. соч.: в 7 т. – М.: Рус. слов., 1997. – Т. 1. – С. 5–6.
20. *Кристева Ю.* Бахтин, слово, диалог и роман // Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму. – М.: ИГ Прогресс, 2000. – С. 427–457.
21. *Барт Р.* От произведения к тексту // Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. – М.: Прогресс, 1989. – С. 413–423.
22. *Деррида Ж.* Difference // Гурко Е. Тексты деконструкции. Деррида Ж. Difference. – Томск: Водолей, 1999. – С. 124–158.
23. *Эко У.* Заметки на полях «Имени розы». – М.: Симпозиум, 2007. – 92 с.
24. *Welsch W.* Unsere postmoderne Moderne. – Weinheim: VCH, Acta Humaniora, 1987. – 344 S.
25. *Кондаков И.В.* Вместо Пушкина. Этюды о русском постмодернизме. – М.; СПб.: Центр гуманист. инициатив, 2011. – 383 с.
26. *Hassan I.H.* The Dismemberment of Orpheus: Toward a Postmodern Literature. – Madison: Univ. of Wisconsin Press, 1982. – 315 p.
27. *Hassan I.H.* The Postmodern Turn: Essays in Postmodern Theory and Culture. – Columbus: Ohio State Univ. Press, 1987. – 288 p.
28. *Ионин Л.Г.* Социология культуры. – М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2004. – 427 с.
29. *Бахтин М.М.* Рабочие записи 60-х – начала 70-х годов // Бахтин М.М. Собр. соч.: в 7 т. – М.: Рус. слов., Т. 6. – 2002. – С. 371–439.
30. *Бахтин М.М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса // Бахтин М.М. Собр. соч.: в 7 т. – М.: Яз. славян. культур, 2010. – Т. 4 (II). – С. 7–516.

31. *Бахтин М.М.* Формы времени и хронотопа в романе // Бахтин М.М. Собр. соч.: в 7 т. – М.: Яз. славян. культур, 2012. – Т. 3. – С. 340–503.

Поступила в редакцию
09.08.14

Туманов Дмитрий Валерьевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия.
E-mail: *dvt1964@yandex.ru*

Егорова Лилия Георгиевна – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия.
E-mail: *lge1964@yandex.ru*